

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Гимназистки

Лидия Чарская

Тайна

«Public Domain»

1908

Чарская Л. А.

Тайна / Л. А. Чарская — «Public Domain»,
1908 — (Гимназистки)

О, эта тайна! Из-за нее, из-за этой тайны, бедняжка Неточка не спала целую ночь! От счастья, конечно. Из-за нее со вчерашнего дня не знает покоя, из-за нее же получила замечание от Пифагора, как называют у них в гимназии преподавателя математических наук...

© Чарская Л. А., 1908

© Public Domain, 1908

Лидия Алексеевна Чарская

Тайна

Как она, Неточка Ларионова, вошла в класс, каким многозначительным взглядом окинула ближайших соседей по партам – они уже поняли, что с их подружкой Неточкой случилось нечто.

И лицо Неточки, маленькое, курносенькое, с бисеринками веснушек под глазами, у носа и на щеках, говорило за то, что нечто необычайное творилось с его владелицей.

На обычной молитве перед занятиями Неточка не могла стоять спокойно, на уроке геометрии тоже, так что учитель Федор Павлович Сабелин два раза окликнул ее, приглашая внимательнее слушать поясняемую им теорему.

Наконец кончился бесконечный первый урок! Небольшой пятиминутный перерыв – и Неточка уже сидит за следующим часом французского языка.

Преподаватель французского принес сегодня классные сочинения и раздал их гимназисткам, делая соответствующие замечания каждой из них. Ах, что значит французское сочинение перед тем, что переживает сейчас Неточка! Положительно ничего не значит перед ее, Неточкиной, тайной!

О, эта тайна!

Из-за нее, из-за этой тайны, бедняжка Неточка не спала целую ночь! От счастья, конечно. Из-за нее со вчерашнего дня не знает покоя, из-за нее же получила замечание от Пифагора, как называют у них в гимназии преподавателя математических наук.

И что это за ужасно неприятное состояние – хранить в себе тайну и не иметь возможности поделиться ею с кем-нибудь из подруг! Ах, ужасно! Ужасно!

Неточка волнуется. Неточка сама не своя. В голове ее шумит вследствие бессонной ночи, в ушах позванивает. Руки Неточки холодны, как лед, а щеки пылают, как печка.

Нет! Нет! Положительно невозможно больше хранить тайну в себе! Это выше сил, данных Творцом, человеку! Это такая пытка, такая...

И почему бы ей, Неточке, не поделиться с кем бы то ни было из подруг этой ее тайной?! С Катей Щелкуниной, например. Она такая тихая, такая молчаливая! Эта уже не предаст, не выдаст. Эта умеет держать язычок за зубами! Или Ида Крамер, например, тоже не из болтушек и такая поэтичная! Ида поймет ее, Неточку, еще лучше всякой другой, пожалуй. А то, может быть, сообщить Зое?... Зоя – сама прелесть. Зоя молчалива, как могила. И Зоя сидит рядом с Неточкой, считается одной из близких ей из класса. Ну конечно, лучше всего открыть тайну Зое Стояновой! Лучше всего!

И недолго думая, Неточка склоняет голову набок и тихонько, чуть слышно, шепчет:

– Зоя! Зоя! Приди в следующую перемену к «крану» в коридор. Слышишь, Зоя! Мне надо переговорить с тобой, посоветоваться насчет одной тайны. Ну понимаешь? Придешь?

– Угу! – кратко соглашается Зоя, хотя мысль ее целиком сейчас в классном журнале, где учитель только что начертил ей, Зое, за сочинение некую цифру, а какую – Зоя не успела как следует проследить.

* * *

Звонок только что возвестил окончание урока. В классе обычная суета. Пока длится перерыв, здесь открываются форточки, а гимназистки в это время прогуливаются в зале и в коридоре. У крана или, вернее, у фильтра с кипяченой водой стоит Неточка, прибежавшая сюда гораздо раньше Зои, и ждет подружку.

Неточка, волнуется. И чего она только копается там, эта Зоя!

Несносная какая – того и гляди кончится перерыв, погонят их всех снова в класс, и не успеет она, пожалуй, сообщить ей свою тайну.

Но вот показалась высокая фигура Стояновой в коридоре. Наконец-то!

Неточка с такой стремительностью кидается навстречу Зое, что чуть не сшибает с ног подвернувшуюся ей по пути тоненькую «первушку».

– Что вы толкаетесь? Такая большая! – ворчливо шипит «первушка» и делает по адресу Неточки злое-презлое лицо...

Но Неточка ничего и никого не видит и не слышит в эти минуты. Никого, кроме Зои. Неточка сама не своя. Она хватается за руку подругу, увлекает ее в самый дальний угол коридора и шепчет голосом, прерывающимся от волнения:

– Я должна сообщить тебе тайну, Зоя, большую-большую тайну!

– Ну?

Неточка хотела было обидеться на равнодушие Зои, но вовремя вспомнила, что обижаться, собственно говоря, не стоит. Ведь в сущности Зоя не знает всей важности ее тайны и, стало быть, не может так же горячо относиться к ней, как сама Неточка. Стало быть, Зоя не виновата ни в чем.

– Слушай, Зоя! – голос Неточки предательски дрожит. – Ты дашь мне клятву, что не скажешь ни одной душе то, что узнаешь от меня сейчас, сию минуту?

– Ну не скажу. А дальше-то что?

«Ах, Боже мой, что за тон!»

Тон отнюдь не соответствует важности момента! Эта Зоя способна заморозить всякий высокий порыв, веточка возмущена, но отступить она уже не может. Взяв Зою за руку, приблизив к ее уху свое разгоряченное лицо, Неточка шепчет:

– Я, Зоя... я... Я сочинила стихи, Зоя!

– Ну и что же?

Этот вопрос способен превратить Неточку в соляной столб, в какой была превращена некогда жена библейского Лота.

Ах, Боже мой! Вот этого она, конечно, никогда, никогда не ожидала. Нет, эта Зоя какое-то бесчувственное, холодное существо! Поэзии в ней столько же, сколько в гимназическом стороже Архипе. Ни чуточки поэзии... Ни-ни!

С обиженным видом и растерзанным сердцем Неточка продолжает:

– Я написала стихи. Понимаешь, я сама вчера вечером написала! Хочешь, я тебе их прочту?

– Ну, – соглашается Зоя и лезет в карман за карамелькой.

– Не хочешь ли? – предупредительно предлагает она Неточке леденец.

Удивительно странная эта Зоя! Не может понять самой простой, самой обыкновенной вещи, что когда автор собирается читать стихи, он меньше всего думает о карамелях! Однако Неточка делает над собою усилие и, воздержавшись от упрека, готового сорваться с языка, вынимает из-за лифа платья тщательно сложенную бумажку и читает неестественным голосом, нараспев скандируя строфы:

Я молода, но жизнь моя – море безбрежное,
Бурливое, темное, ало-мятежное.
В нем мечутся звезды, зеленые, синие, красные,
В нем розы цветут в глубинах гневно-властные.
В нем чайки летают, летают певучие...
И волны гуляют такие могучие...

– Могучие... – еще раз протягивает для чего-то Неточка. Потом поднимает на подругу торжествующий взгляд: – Что? Хорошо?

Зоя молчит с минуту. Только слышно аппетитное хрустение карамельки на зубах.

– Непонятно что-то, – говорит после паузы Зоя, – чайки не поют, во-первых, а кричат... Потом, скажи на милость, какие это ты видела красные и синие звезды?.. Да еще в море! А еще скажи, пожалуйста, почему ало-мятежное море? Алое-то почему?

– Ах, это декадентские стихи! Так нынче пишут! – ужасно волнуется Неточка. – Ты страшно отсталая, Зоя, если не понимаешь этого! Да!

И разобиженная вконец, махнув рукой на свою «непоэтичную подругу», Неточка отошла от Зои, решив в душе, что совсем не следовало делиться с ней тайной.

На уроке русского языка, пока учитель объяснял о сентиментализме произведений Карамзина, Неточка тихонько вытащила свой таинственный листок и снова читала, едва заметно шевеля губами: «Я молода, но жизнь моя море безбрежное... бурливое, темное, ало-мятежное...»

Она так увлеклась произведением своей случайной музыки, что совсем не заметила, как преподаватель сразу оборвал свою лекцию о Карамзине, встал с кафедры и подошел почти вплотную к ее парте.

Очнулась она только тогда, когда услышала зловещую фразу над своим ухом:

– Госпожа Ларионова, потрудитесь отдать мне то, чем вы заняты сейчас, так некстати, за уроком!

Неточка обомлела.

Отдать листок, открыть тайну! О! Ни за что! Ни за что!

– Пожалуйста! – рука учителя настойчиво протягивалась к ней.

Классная дама спешила к нему на помощь. Нечего делать, пришлось покориться и отдать листок. А через минуту в классе уже звучало: «Я молода, но жизнь моя море безбрежное...» И так далее, и так далее, и так далее... И о красных и синих звездах, и о гневно-властных розах, и о певучих чайках, словом, все, все до самого конца!

Ах, что переживала бедная Неточка в эти минуты!

И уж разумеется, теперь ей совсем не нравились ее декадентские стихи. В передаче учителя они выходили такие сырые, плоские, худые... Совсем, совсем скверные стихи...

Ах, как она страдала, Неточка! Как страдала! Но что было хуже всего – это когда учитель, отложив злополучный листок в сторону, обратился к ней с плохо замаскированной иронией:

– Госпожа Ларионова, очевидно, совсем забыла, что слово «безбрежные» пишется через «е», а не через «ъ», а слово «певчие» как раз наоборот. Очень грубые ошибки. Обратите на них внимание! С такими ошибками стыдно переходить в четвертый класс, m-lle! И он окинул Неточку убийственным, уничтожающим взглядом.

Ах, как это было совестно! Неточке хотелось провалиться сквозь землю, и она внутренне клялась никогда в жизни не писать стихов...

Бедная Неточка! Бедная Неточка!